

Елеазар Моисеевич Мелетинский (22 октября 1918 — 16 декабря 2005)

Для нас Елеазар Моисеевич, конечно, прежде всего один из лидеров структурной фольклористики, и вообще Тартуско-Московской школы. Однако его репутация сложилась раньше начала русского структурализма и семиотики и раньше его обращения к этому направлению. Уже первая книга Е.М., «Герой волшебной сказки», резко выделялась на фоне фольклористики 1950-х гг., хотя сейчас это, может быть, труднее ощутить и заметить. Ретроспективно она воспринимается как продолжение (хотя и полемическое) «Исторических корней волшебной сказки», однако между первой и второй книгой прошло 12 лет, в основном занятых проработками компаративистов и антропологической школы. За это время уже и Пропп успел выпустить свой «Русский героический эпос» — книгу, во многих отношениях представлявшую собой компромисс между его позициями 1940-х гг. и требованиями «советской фольклористики». На этом фоне последовательно «антропологическая» книга¹, опиравшаяся, в частности, на новые западные рабо-

---

¹ Этот термин можно применить и к позднейшим работам Е.М., более свободным от непосредственного влияния антропологической школы. Е.М. всегда с почтением относился к лингвистике и ее роли в структурном методе, но сам к ней не обращался и был основным (хотя и не единственным) проводником идей Леви-Стросса, лидером антропологического крыла нашего направления.

ты по фольклору и этнологии, ставившая такие общие вопросы, как место и появление *героя* в эволюции фольклорных повествовательных жанров, стояла особняком. Собственно, для того чтобы заметить отличие этой работы от современной ей фольклористической продукции, достаточно было беглого взгляда на нижнюю часть любой страницы: к этому времени читатель успел отвыкнуть от сносок на иностранных языках, тем более в таком количестве. В.Я. Пропп, один из самых образованных фольклористов в России, в 1950-е гг. на западные работы не ссылался. Е.М. был, кажется, первым, кто снова начал читать, и не просто читал все доступное по своей специальности, но, наряду с еще несколькими учеными (речь идет именно о единицах), установил тот стандарт, который делал это чтение обязательным.

Это очень характерное для Е.М. явление. С самого начала его новой профессиональной жизни — как фольклориста¹ — рука об руку идут две стороны его деятельности: собственно научное исследование и неутомимое культуртрегерство. Пожалуй, наиболее показательным примером их симбиоза является книга «Поэтика мифа», сыгравшая огромную роль в формировании общего мнения, запаса базовых сведений и концепций в области мифологии у наших современников — речь идет именно об обществе в целом, далеко не только о научной среде и тем более не только о фольклористах.

В этом последнем аспекте просвещения нашего научного сообщества и установления стандартов, может быть, важнее упомянуть даже не сами работы Е.М., а его издательскую и редакторскую деятельность. Сюда относится и редакция знаменитой энциклопедии «Мифы народов мира», и создание в 1969 г. и самое деятельное участие в редколлегии серии «Исследования по фольклору и мифологии Востока» (так называемой «черепашки»), которую он возглавил позже, в 1989 г., вместе с серией «Сказки и мифы народов Востока».

Эта вторая серия той же Восточной редакции издательства «Наука» также сыграла значительную роль в эволюции советской фольклористики и просто культуртрегерства (в частности, научила хотя бы часть фольклористов составлять и читать указатели), однако она не имела той репутации и того воздействия, что «черепашка», которая началась в 1969 г. с переиздания «Морфологии сказки» — события, самого по себе окруженного легендами и анекдотами (см., например, мемуарные виньетки А.К. Жолковского). Именно благодаря предисловию Е.М. эта книга стала не только «повторением пройденного», восстановлением «исторической справедливости», но и первым, кажется, обзором той важнейшей для Западной науки школы (собственно новой науки, нарратологии), которая возникла из осмысления книги Проппа. Тем самым и сама «Морфология» выступала не как памятник науки 1920-х гг., а как живое и актуальное явление, обусловившее целое направление современной (тогда) поэтики. Две книги самого Е.М. вышли в этой же серии: уже упоминавшаяся

---

¹ Напомним, что первая, долагерная диссертация был чисто литературоведческой (об Ибсене), к этим проблемам Е.М. вернулся уже в 1980-е–90-е гг. в контексте исторической поэтики.

«Поэтика мифа» (1975) и «Палеоазиатский мифологический эпос (цикл Ворона)» (1979). Замечательно, что первая статья о мифологии Ворона появилась еще в 1959 г. в полузабытом издании: «Сказания о Вороне у народов Крайнего Севера» (Вестник истории мировой культуры. 1959. № 1). Ср. менее эффектный, но сходный пример: книга «Эдда и ранние формы эпоса» (М., 1968) и «„Общие места“ и другие элементы фольклорного стиля в эддической поэзии» (Памятники книжного эпоса. М., 1978). Такое возвращение тем через десятилетия было одним из факторов, скреплявших «корпус текстов» Е.М., наряду со сквозными теоретическими проблемами, которые отметил С.Ю. Неклюдов: «Если попытаться кратко определить общий ракурс, объединяющий в единое целое многообразную научную деятельность Е.М. Мелетинского — исследователя мифа и фольклора, древнескандинавской „Эдды“, средневекового романа и новеллы, архетипов в русской классической литературе, мифологизма в прозе XX века и еще многого другого, — им окажется историческая поэтика повествовательных форм, начиная с архаической мифологии и вплоть до новейшей литературы. При всех изменениях предмета исследования он на протяжении своей более чем полувековой научной деятельности, в сущности, остается верен этой главной теме»¹.

Нельзя не упомянуть еще один вид исследований, в свое время окруженный слухами и легендами для младших, — семинар по сказке, обобщивший свои выводы в двух больших статьях, переведенных на многие языки. После эмиграции Д.М. Сегала в 1973 г. в семинаре участвовали такие фольклористы и лингвисты, как Т.В. Цивьян, С.Е. Никитина, А.К. Жолковский, А.Н. Журинский, Н.В. Брагинская. В конце 1970-х — начале 1980-х гг., после отъезда А.К. Жолковского, проводившего дома семинар по поэтике, этот семинар тоже переместился в дом Мелетинских (в нем принимала участие и Ирина Михайловна).

Даты жизни Е.М. поразительно совпадают с ходом советской истории: родился через год после революции — 1918, окончил МИФЛИ и поступил в аспирантуру за год до начала войны (1940), первая защита диссертации — 1945, второй арест — 1949, освобождение — 1954. С 1956 г. Е.М. работает в ИМЛИ АН СССР, с 1989 г. — профессор МГУ, с 1992 г. — директор Института высших гуманитарных исследований РГГУ.

Разумеется, 1960–80-е гг. прошли благополучно по сравнению с 40-ми и 50-ми, с 1968 г. начинается полоса сравнительно ровной и спокойной жизни. Были и более ранние промежутки, когда Е.М. даже занимал какие-то «посты» (зав. кафедрой литературы Карело-Финского университета, 1946–1949, зав. отделом фольклора Карело-Финской базы АН СССР, 1946–1947). Но сколько-нибудь адекватное признание (говоря, разумеется, только об «административном» аспекте, а не о репутации) относится уже к самому концу 1980-х и 1990-м гг.

¹ Неклюдов С.Ю. Елеазар Моисеевич Мелетинский // Елеазар Моисеевич Мелетинский. Библиографический указатель / Сост. В.И. Гульчинский, Е.А. Кумпан. М., 2002 (Ученые РГГУ). С. 13.

Судьба, типичная для поколения, но в отличие от других у Е.М. хватило жизни и жизненных сил пройти еще «дополнительный» период — осуществления желаний и надежд.

Это пришло, конечно, поздно, когда по крайней мере часть времени и достижений и «благ» воспринимались уже, отчасти или полностью, не как «награды», а как обязанности, новое бремя. Напомним, что Е.М. чуть ли не до последнего года продолжал читать лекции в РГГУ. Один из нас как-то предложил ему дать статью в фештшрифт или мемориальный сборник. Е.М. ответил: «Знаете, мне сейчас всё в тягость».

С другой стороны, в отличие от своих более благополучных (в прежнее время) коллег Е.М. был избавлен от неприглядных компромиссов, его поздний успех пришелся на постсоветское (отчасти перестроечное) время, благодаря этому ему не пришлось быть «советским начальником». Даже Государственная премия за «Мифы народов мира» была получена уже в 1990 г., в последний год существования самого государства (предыдущая премия им. Питре за коллективную работу о структуре сказки была итальянской), а медаль «В память 850-летия Москвы» относится к 1997 г.

Что касается формальных наград и общего итога, то позволим себе процитировать несколько реплик из нашей переписки с С.Ю. Неключевым.

Мы: Я как-то не задумывался: что же Е.М. так и не был избран в Академию, даже в чл.-корр? Мне казалось, что какой-то академический чин у него был.

С.Н.: Нет, Е.М. так и не был избран в Академию, даже в чл.-корр, что было для него очень чувствительно. Пожалуй, это было едва ли не единственное желание в жизни, которое так и не исполнилось.

Мы: Хочу заметить про Ваши слова: «едва ли не единственное желание...» — когда про человека можно так сказать, это все-таки счастливая жизнь. Я видел всегда скорее обратную сторону.

С.Н.: Счастливой ее назвать трудно. Скорее, осуществленной, хотя многое пришло поздно. Мне так кажется, по крайней мере.

Альберт Байбурин, Георгий Левинтон